

Под землей.

«Ааааа!» Монстр с глазами, похожими на фонари, вышел из мембраны и набросился на Самана и Цин Линя. Саман первым бросился к другой стороне мембраны, а Цин Линь, стиснув зубы, последовал за ним.

Они прошли прямо в другую комнату.

— Шшш ... — чудовище тут же развернулось и погналось за ними.

Поскольку у монстра были острые чешуя и рога, он иногда рвал перепонку под ногами и проваливался. Вот почему их первой реакцией при встрече с этим монстром было «ускользнуть», чтобы сэкономить энергию.

Однако этот монстр, похоже, не рвет мембрану.

Дуэт прошел через другую мембранную стену в другую темную комнату. Пара раскаленных, как уголь, глаз погналась за ними, сопровождаемая шипящим звуком.

У них не было времени оглянуться, так как они торопливо пытались найти выход. Если не было необходимости, ни один из них не хотел останавливаться и противостоять монстру лицом к лицу в темноте.

Враги могли видеть в темноте, а они — нет, поэтому окружающая среда была для них неблагоприятной. Поэтому было бы невыгодно сражаться с монстром напрямую.

Саман ворвался в другую комнату, и как только вошел, почувствовал, что что-то не так. Был характерный запах инопланетного присутствия — у этой комнаты был хозяин.

Здесь было еще одно чудовище.

«Поверни налево!» Саман быстро повернул налево. Цин Линь последовал за ним и с грохотом врезался в толстую стену плоти. После минутного оцепенения он издал «блять». Они думали, что это пустая комната, и вбежали, но неожиданно там был другой монстр?

Они немного побежали и вдруг почувствовали, что что-то неладно.

— Почему они не гонятся за нами? Цин Линь прислушивался к любым движениям позади него: «Эти два монстра дерутся?»

— Не обязательно, — выдохнул Саман.

Цин Линь был измотан бегом. Раньше он держался из-за своего желания выжить, но теперь, поскольку он чувствовал, что ситуация стала немного безопаснее, он немного замедлился. Он задыхался, когда спросил: «Оно... Оно больше не придет за нами, верно?»

Из-за отсутствия шипящего звука позади них, Саман замедлил шаг, выглядывая через плечо.

Пара светящихся красных глаз молча смотрела на них.

«!» Саман крепче сжал гигантский меч в руке.

Что может быть страшнее обычного монстра? Это монстр с интеллектом.

Они, очевидно, столкнулись с монстром, который мог притворяться глупым и использовать в своих интересах трюки с разумом.

Хуже всего то, что этот монстр расправился с другим монстром, с которым они ранее столкнулись, за такой короткий промежуток времени; другое чудовище тоже было очень сильным.

«Остановись!» Саман обнажил свой гигантский меч.

«Что?» Цин Линь еще не отреагировал. Он только видел, что Саман был в атакующей стойке: «Что случилось?» У него действительно не осталось сил.

«Посмотри за себя».

Посмотри за себя? Когда Цин Линь оглянулся, все волосы на его теле сразу встали дыбом. Он вскочил и тут же обернулся: «Бля...»

Монстр внезапно открыл рот и обнажил свои голубые кровеносные сосуды, которые светились в темноте. Цин Линь был слишком близко и чувствовал, как что-то склизкое зацепилось за его шею.

Прямо в критический момент у него больше не осталось никаких сомнений, и он, стиснув зубы, вытащил свой спрятанный реквизит. Он поднял руку и нажал на курок. Вылетевшая пуля попала монстру в один глаз. Это была особая пуля с замораживающим и замедляющим эффектом, в результате чего половина головы монстра покрылась льдом.

Лед быстро распространился, и в мгновение ока половина тела монстра была заморожена.

Пока это происходило, Саман отрезал мечом крючковатый язык монстра. Цин Линь

почувствовал, как липкая и слизистая ткань на его шее ослабла, и драгоценный воздух снова хлынул в легкие.

«Это так отвратительно», - Цин Линь дотронулся до липкой синей слизи на своей шее и выругался. «Черт возьми, эта пуля стоила десятую часть золотой гильзы!»

Поверхность гигантского меча Самана отливал золотом, как будто на нем было написано какое-то

заклинание.

Он ударил монстра по глазам, и

красные глаза, похожие на фонари, были разделены надвое.

Флуоресцентно-красная жидкость брызнула наружу и покрыла как мембрану, так и Самана.

Свет меча все еще лихорадочно распространялся во всех направлениях, появляясь как золотая паутина. Слои за слоями разлетались белые частицы, похожие на снежинки, и большая мембранная комната исчезла, когда ее захлестнула золотая паутина.

Пространство внизу не успевало за скоростью, с которой эти пространства исчезали, и перед Саманом появилась большая пустая комната. Эти двое, казалось, могли видеть черную стену с одной стороны.

Золотые линии также расползлись по стене, осыпая ее, и постепенно образовалась дыра. Сквозь дыру они могли видеть небо снаружи — яркое небо.

Прежде чем Саман успел отвести взгляд, пространство, в котором они находились, быстро увеличилось, и пробитая дыра вскоре исчезла из виду.

Когда они поднялись, земля сотряслась, и монстры с ревом начали падать сквозь разрушенные комнаты. Это выглядело так, как будто шел дождь из монстров. Там были разные формы и размеры, напоминающие метеоры, падающие на землю, когда они с воем пролетали мимо этих двоих.

Глаза Цин Линя расширились: «Блять... ты же не прорезал весь «багажник», верно?»

«Просто срезал путь», — Саман держал меч и чувствовал, что другой игрок поднимает шум.

На самом деле, в данный момент он был немного истощен, и ему нужно было несколько минут, чтобы прийти в себя. Однако у Самана не было никаких следов на лице.

Он не доверял этому игроку.

Место на тыльной стороне ладони, куда попала ядовитая игла, распухло до размеров паровой булочки.

Саман достал нож и разрезал рану, выпустив густой желтый гной. Внутренняя часть раны загноилась.

Он махнул рукой: «Идем».

Цин Линь также коснулся нескольких оставшихся пуль, терпящих бедствие, и они снова начали медленно подниматься.

«Хозяин, Чжун Цюй устраивает сцену во дворе Цин Цюань».

«Хозяин, нехорошо. Под землей беспорядки».

Как будто это было запланировано, два подчиненных одновременно сообщили плохие новости.

Цин Хун поднял руку: «Разбуди больше этих спящих насекомых, чтобы поймать этих странных демонов. Что касается павлина, я лично пойду с ним встретиться».

Он встал и медленно вышел из банкета.

Больше не было больших демонов, которые все еще стояли на банкете. Все они упали на землю и крепко спали, а напитки и одежда были разбросаны по всему полу. Нежная и мягкая на вид красавица встала с улыбкой, не заботясь о том, что на ней ничего нет.

«Как и ожидалось от этих больших демонов, их сущность крови восхитительна», — крошечные корни пронзили кожу демонов и выделяли анестезирующую жидкость, медленно всасывая кровь. С каждым глотком эти красавицы становились еще прекраснее.

Все эти демоны напились до пьяного угара.

Цин Хун решил больше не ждать. Он угостил всех гостей крепчайшим вином, приготовленным прямо из цветочных лепестков; всего одним стаканом любой попадет в мир грез.

Пока не будет серьезного вмешательства со стороны внешнего мира, эти демоны будут спать здесь вечно, пока не наступит конец света.

«К сожалению...» Цин Хун оглянулся на этих демонов, «Жаль, что павлин сбежал. Мне все еще

нужно прикончить его самому».

Чжун Цюй не сдержал своих сил и в мгновение ока разрушил двор Цин Цюань, временное жилище Хэ Цзюня. Однако, несмотря на такой большой переполох, других демонов это место не привлекло.

Хотя у Чжун Цюя крепкие нервы, он все же мог сказать, что что-то не так.

«Говорили, что первоначальное тело Цин Хуна было лотосом, — вспоминал он слух. Дал ли Хэ Цзюнь ему плетеный лотос в качестве предупреждения, чтобы он был осторожен с Цин Хуном?»

Куда делся Хэ Цзюнь? Может с ним случилось что-то плохое?

После того, как он стал демоном в течение стольких лет, редко можно было встретить такого демона, как Хэ Цзюнь, который был целеустремленным и сосредоточенным только на совершенствовании. Было бы жаль, если бы он умер.

«Чжун Цюй, почему ты не остался выпить? Это потому, что я недостаточно хорошо развлекал тебя?» Цин Хун появился в лунном свете, и по щелчку пальцев он уже был перед ним.

Он взглянул на пустую землю, которая когда-то была двором Цин Цюань, и сказал с улыбкой: «Чжун Цюй, у тебя такой вспыльчивый характер. Это резиденция моего старшего брата, у тебя есть претензии к моему старшему брату?»

— Не говори со мной глупостей. Ты убил Хэ Цзюня? Чжун Цюй не хотел слушать чушь другого, он хотел знать только факты.

«Как я мог навредить своему старшему брату?» Лицо Цин Хуна стало холодным: «Кроме того, я не могу причинить ему вред».

Чжун Цюй усмехнулся: «Он не принимает против тебя мер предосторожности, ты, очевидно, можешь это сделать. По моему мнению, Хэ Цзюнь не должен был тогда уговаривать своего мастера взять такого волчонка, как ты. Если бы не ты, он был бы номером один в мире демонов».

«Чепуха», больше всего Цин Хун ненавидел, когда другие люди пытались убедить его старшего брата бросить его. С самого детства... он больше не мог этого выносить. Зеленые лианы поднялись к небу и превратились в огромную птичью клетку.

«Чжун Цюй, здесь ты будешь похоронен».

«Вэн вэн вэн», под звуки флейты спящие в земле насекомые проснулись одно за другим.

Игрок, который уже достиг половины пути, был мгновенно повержен и мог только смотреть на свет впереди, пока пребывал в своем крайнем несчастье. В другом месте большое количество насекомых убило группу игроков.

Саман и Цин Линь все еще поднимались и не знали об этом.

Они делали факелы.

Лампа Цин Линя была уничтожена слизью в начале, и свеча Самана, к сожалению, тоже была уничтожена. К счастью, у них все еще есть фитиль, несколько неиспользованных вещей и небольшая сосновая палка.

Саман нашел одежду, сделанную из мешковины, разорвал ее на длинные полоски и обвязал вокруг деревянной палки, прежде чем растереть ткань.

Изношенная ткань имеет достаточную контактную поверхность с воздухом и, скорее всего, сгорит. Однако Саману пришлось еще приложить немало усилий, чтобы зажечь этот скромный «факел».

«На самом деле пребывание в темноте не лишено своих преимуществ, — Саман поднял факел, который наконец зажегся, чтобы проверить наличие монстров, — в темноте звук дыхания монстра чище».

«Как это возможно? Звук дыхания очень слабый, и трудно сказать, откуда он исходит, — покачал головой Цин Линь.

Саман невольно что-то вспомнил, и на его лице мелькнула улыбка: «Я встретил человека, который может это сделать».

«ЧТО?»

— Некий... «слепой», — думая об этом человеке, улыбка Самана стала несколько более искренней.

Цин Линь был с ним уже довольно долгое время, и это был первый раз, когда он увидел, как этот опытный игрок показывает свои истинные эмоции. Он из любопытства спросил: «В реальности или NPC в игре?»

«Игрок, игрок, который просто хочет играть в игру, — ответил Саман, — для него мы в лучшем случае просто незадачливые ублюдки, которые не знают, как играть в игру».

В конце концов, было не так много людей, которые могли заставить босса рухнуть.

«Тогда он должен быть очень могущественным, поскольку он, кажется, всегда в глубине твоей души», — пожаловался Цин Линь.

Саман был ошеломлен: «Всегда в глубине души?»

— Разве это не правда?

- Возможно, - Саман увидел, что сосновая палка немного обгорела, и опустил руку, чтобы защитить ее от ветра, хотя ветра, чтобы защитить ее, не было, - Ладно, пошли.

«Ачу!.. стало слишком холодно?» Жэнь Ифэй потер нос. Он только что потерял фокус, и ему пришлось замереть на несколько секунд, чтобы определить, в каком направлении двигаться еще раз.

Онемев от холода, он вместо этого погрузил свое тело в какой-то гипноз — вода, кажется, теплая?

С таким самообманом Жэнь Ифэй насильно проделал путь сквозь ледяную воду до настоящего времени.

Определив направление, он продолжил идти вперед, считая в уме количество шагов. Каждый шаг был одинаковой длины и использовался для измерения расстояния коридора, чтобы построить карту в уме.

Зрение используется, чтобы помочь человеку с направлением, поэтому, когда вы заставляете человека, привыкшего полагаться на свое зрение, и заставляете его идти по прямой с закрытыми глазами, он не сможет этого сделать. Поэтому их способность определять свое местоположение всегда была бы несколько неправильной.

Но почему-то у Жэнь Ифэя таких проблем не было. Карта, которую он рисовал в уме, всегда была очень точной.

Звук бегущей воды достиг его ушей, и вода, которая не могла затопить его ноги, теперь достигла его икр. Из-за этого его гнал звук, когда он продолжал идти.

Он мог представить образ крошечной белой пены, поднимающейся и опускающейся, а также крошечных волн, сталкивающихся с его ногами, когда он двигался.

Возможно, эти два события были слишком знакомы, но он не мог не думать о своей первой «смерти».

В то время он был всего лишь маленьким мальчиком, и он только пережил самую значительную перемену в своей жизни, когда к нему пришло нечто, называемое «Большой Плохой Системой».

Оно хотело собрать обиды и просило его делать злые дела, но он отказался. Той ночью у него был первый опыт «трансмиграции».

Нет, правильнее было бы сказать, что это было «вселение», поскольку оно не допускает никаких изменений в предустановленной судьбе.

В этом сне он был привязан к слепому мальчику, который во время войны жил в отдаленной горной деревне.

Мир Жэнь Ифэя был совершенно темным. Он мог чувствовать радость, печаль, гнев и все остальные эмоции первоначального владельца, но не мог «пошевелиться».

Он жил там долгое время. Он научился стирать и готовить в темноте, научился заботиться о себе, научился кормить скот и плести в темноте бамбуковые корзины.

Как он умер в конце концов?

Был холодный день, когда он был привязан к дереву, на нем была только заплатанная мешковина.

Он вспомнил, что это была пеньковая веревка, очень толстая, и ствол дерева позади него тоже был толстым. Его живот был разорван, и он чувствовал, как что-то выходит из него.

Жэнь Ифэй наконец-то понял, каково это, когда вскрывают живот.

Если бы ему дали шанс, пусть даже совсем немного, он хотел бы изменить судьбу этого ребенка. К сожалению, система дала ему возможность «испытывать боль», а не возможность «изменить судьбу».

Он был просто манипулируемым дураком.

В темном мире он слышал, как люди смеются и съеживаются рядом с ним. Некоторые из них говорили на местном диалекте, другие говорили на иностранном языке, которого он не мог понять.

Запах ржавчины заполнил его ноздри, и у мальчика, который никогда в жизни не видел света, наконец появилось представление о кроваво-красном в то холодное и мрачное время года.

Мальчик подумал про себя: К счастью, арестован не студент. Студент говорил, что страна возродится из пепла, и простые люди смогут жить в будущем хорошей жизнью. Он был таким способным человеком, так что он должен быть прав.

Большая Плохая Система хотела, чтобы он понял отчаяние и боль, но слепой мальчик научил его лелеять.

Хуа Ли хотела использовать этот метод, чтобы медленно замучить его до смерти. Но пока оставался проблеск надежды, он также хватался за ботинок, который наступал сам по себе, и подтягивался.

Жэнь Ифэй не боялся смерти и еще меньше боялся выживания.

<http://bllate.org/book/15647/1399013>